

Muzika. 1913, No. 159, p. 839-840.

Музыка. 1913, № 159, с. 839-840.

Concert by S. Rachmaninoff.

3/XII.

This concert, which attracted countless listeners, confirmed the inviolability and endurance of Rachmaninoff's popularity. The most interesting, large-scale, and valuable piece on the concert program is the new (2nd) Piano Sonata. Compared to the rather dry and formal first sonata, in the second the composer makes significant strides toward deepening its content. As always in such cases, Rachmaninoff's composition has acquired a somewhat stern, even gloomy, tone. But behind this severity lies a strength and sympathetic restraint of expression. Moreover, in this sonata it is pleasant to hear a clear refreshment and expansion of the harmonic material and contrapuntal devices. It goes without saying that the pianistic side of the new work itself is at a high level, and in it the composer often shines with the most witty uses of piano mechanics and sonority, which is especially interesting to observe in the melodic, figurative and rhythmic modifications of the middle variation movement - generally the strongest, most inspired and formally beautiful movement. All in all, the sonata cannot be considered a work that opens up new horizons in any respect - neither in terms of its artistic content nor even its technical aspect (specifically regarding virtuoso elements). But, being imprinted with all the qualities characteristic of the best works of Rachmaninoff, it will, of course, take a prominent place in the Russian literature. As for the public, having shown due respect and admiration for the new work of their beloved composer, they greeted with much greater enthusiasm old acquaintances in the form of Elegy, Barcarolle, some favourite preludes, as well as the romance "Lilacs", presented that evening in a new form of piano transcription, masterfully done by the author, but not forsaking all the charm of the original. Among pianists of the entire world, Rachmaninoff is in the first rank; equal to the greatest, "but with a Russian soul." To speak about its interpretation (which is all the more remarkable if it is an auto-interpretation) is therefore unnecessary. [Unsigned]

[Translation: Google]

Концертъ С. Рахманинова.

3/XII.

Этотъ концертъ, привлечшій неисчислимое количество слушателей, подтвердилъ нерушимость и прочность Рахманиновской популярности. Въ программѣ концерта самое интересное, крупное и ценное - новая (2-я) фортепианная соната. По сравнению съ сухой и формальной первой сонатой - въ второй композиторъ рѣшительно идетъ впередъ по пути углубленія содержания. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, у Рахманинова композиція получила нѣсколько суровый, даже угрюмый оттѣнокъ. Но за этой суровостью стоитъ сила и симпатичная сдержанность выраженія. Кроме того, въ этой сонатѣ приятно слышать явственное освѣженіе и расширение гармоническаго матеріала и контрапунктическихъ приѣмовъ. Нечего и говорить, что собственно пианистическая сторона новаго сочиненія на большой высотѣ и въ ней композиторъ нерѣдко блистаетъ остроумнѣйшими использованіями фортепианной механики и звучности, что особенно интересно наблюдать въ мелодическихъ, фигураціонныхъ и ритмическихъ модификаціяхъ средней варіаціонной части - вообще самой сильной, самой вдохновенной и формально прекрасной части. Въ дѣломъ соната ни своимъ художественнымъ содержаниемъ, ни даже технической стороной (амбѣ въ виду специфически-виртуозное содержаніе) не можетъ быть признана сочиненіемъ, открывающимъ въ какомъ-либо отношеніи новыя горизонты. Но, будучи запечатлѣна

всеми качествами, свойственными лучшим произведениям Рахманинова, она, конечно, займет видное место в отечественной литературе. Что касается публики, то, оказав должную дань уважения и восхищенности новому произведению любимого автора, она с гораздо большим увлечением приветствовала старых знакомых в виде Элегии, Баркаролы, некоторых излюбленных прелюдий, а также романса „Сирень“, представшего в этот вечер в новом виде фортепианной транскрипции, мастерски сделанной автором, но не заставившей забыть всю прелесть оригинала. Среди пианистов всего мира Рахманинов в ряду первых; равный величайшим, „по-только с русской душой“. Говорить об его интерпретациях (которая бывает тем более замечательной, если это авто-интерпретация), следовательно излишне.